

Sipko, Jozef

Лексемы с этнокультурными коннотациями и их перевод

Opera Slavica. 2001, vol. 11, iss. 2, pp. 24-34

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/117471>

Access Date: 04. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ЛЕКСЕМЫ С ЭТНОКУЛЬТУРНЫМИ КОННОТАЦИЯМИ И ИХ ПЕРЕВОД

Йозеф Сипко (Прешов)

В системе каждого языка содержатся единицы, которые для него являются типичными, неповторимыми и в теории перевода считаются, как правило, безэквивалентными. Среди них выделяются многие лексемы в качестве языковых знаков по отношению к всякого рода денотатам многообразных этнокультурных реалий конкретного этноса (названия блюд, напитков, танцев, музыкальных инструментов, названия исторических реалий, административные названия и т. д.). В данный разряд безэквивалентных единиц можно включить многие фразеологизмы с конкретным этнокультурным фоном (*бить баклуши, кричать во всю ивановскую, дать маху, братские туры, svätý za dedinou, ako sa do hory volá, tak sa z hory ozýva, dvakrát meraj a raz rež*) и многие другие единицы, в процессе перевода которых идут поиски подходящих вариантов, мера соответствия которых с оригиналом неодинаковая.

Нас в этой связи заинтересовали некоторые лексемы словацкого языка из основного словарного фонда, которые имеют свои эквиваленты в соответствующих русских лексемах – в словацко-русских переводных словарях данные словацко-русские лексические пары имеют на первый взгляд однозначное переводческое соотношение и, казалось бы, в процессе перевода не вызывают существенных проблем. По другому реализуются данные словацкие лексемы в конкретных переводах словацкой художественной литературы на русский язык, когда слова основного словарного фонда словацкого языка переводятся в зависимости от контекста такими русскими единицами, которые не образуют «переводческие словарные пары». Данные явления мы анализировали на примере переводов словацкой классики на русский язык и будем их иллюстрировать на отдельных лексемах.

Слово «ĽLOVEK» – «ЧЕЛОВЕК» имеет одинаковую исходную лексико-грамматическую позицию в словацком и в русском языках (*Ľlovek – человек, ľudia – люди*), но его дальнейшие языково-семантические вариан-

ты в конкретном контексте довольно регулярно отличаются. В первую очередь это относится к словацкому неопределенному субъекту, для которого в русском языке самой подходящей является форма 2-го лица единственного числа глагола:

Človek nikdy nevie, čo má robiť. – Иногда не знаешь, как поступить.

Človek koňuje od rána do noci. – Надрываешься, как вол, с утра до ночи.

Подобные варианты встречаются в пословицах и поговорках:

Človek si i na šibenicu zvykne. – Человек ко всему привыкает.

Človek sa do smrti učí. – Век живи, век учишь.

Dobrych ľudí sa veľa zmeští. – В тесноте да не в обиде.

Šaty robia človeka. – По одежде встречают, по уму провожают.

Определенную коммуникативную аналогию словацкому слову „človek“ составляет русское слово «брат» – имеем в виду его частое функционирование в позиции обращения:

Človeče! – Брат!

Vaším ľudom nikdy nevyhovieš. – Вашему брату никогда не угодишь.

Самую большую разницу мы зарегистрировали при переводе словацкого эмоционального обращения «človeče», для которого нормативные словацко-русские переводные словари (VSRS) рекомендуют употреблять в качестве русского эквивалента:

1. повелительное наклонение:

Človeče, daj rozor! – Смотри, будь осторожен!

2. выражение „боже мой“:

Človeče, to ti bola krása. – Боже мой, вот это была красота!

3. выражение „мил человек“:

Dobrý človeče! – Мил человек!

Но в конкретных русско-словацких переводах словацкое обращение «človeče» переводится более вариативно. По нашим наблюдениям чаще всего данное словацкое обращение в русских переводах пропускается. В особенности это относится к ситуации, в которой адресат не уточняется, смыслово он на самом деле отсутствует:

Človeče, koľko psiny naraz! – Сколько развлечений за один день!

Človeče, nerob srandu. – Только не валяй дурака.

Človeče, mám predsa rodinu. – Ведь у меня семья.

Že už ideš, človeče. – Пришел-таки.

Nuž, človeče, čo si počneš? – А что оставалось делать?

Если слово «človeče» употребляется в экспрессивных и устойчивых конструкциях, то в русских переводах пропускается еще чаще:

Pomôž si, človeče, na svete! – На Бога надейся, а сам не оплошай.

Odkiaľ že ideš, hriešny človeče? – Ты откуда взялся, грешная твоя душа?

В других случаях к слову «človeče» ищется русский экспрессивно-аксиологический эквивалент:

Vy chlape, vy jeden človeče, vy ste mi nahnali strachu. – Ну и нагнали же вы мне страху, герой вы этакий.

С интересной русской формой при переводе данного словацкого слова мы встретились в русском варианте романа Р. Яшика («Мертвые не поют»), когда в эмоциональной ситуации военный обращается к другому военному архаической звательной формой:

Človeče, vy ste triezvy? – Дружище, вы трезвы?

Итак, словацкое слово-обращение «človeče» относительно словацко-русских переводов можно отнести в определенной мере к словацким лингвокультурам с безэквивалентной характеристикой.

Следующим словацким словом с аналогичными вариантами в русском языке является «CHLAR», которое в словацко-русских переводах приобретает известную семантическую неопределенность, хотя в переводных словарях находим однозначный русский вариант в слове «мужчина». Приведем некоторые примеры из перевода романа «Тройка гнедых» М. Фигули, при которых можно следить за упомянутой семантической неопределенностью в русских вариантах:

Smelí chlapi. – Смельчаки.

Som tvrdý chlap. – Я стоек.

Bol som statočný chap. – Я был тверд духом.

Či som statočný chlap? – Хватит ли у меня мужества?

Ste tvrdohlavý chlap. – Вы с характером.

Chlapecká odpoveď. – Мужественный ответ.

Viac chlapov. – Ватага мужиков.

Словацкое слово «chlar», кроме номинативной функции (для названия взрослого человека мужского пола), содержит также положительную оценку, что в русском языке передается соответствующими по смыслу лексемами. Ближе из приведенных примеров, на наш взгляд, стоит слово «мужественный». В качестве номинативного варианта особенно для деревенской среды подходит слово «мужик»:

Z brány vychádza chlap. – Какой-то мужик выходит из ворот.

В оценочном контексте словацкому «chláp» соответствует предлагаемый словарный вариант:

Spávny chláp. – Настоящий мужчина.

В военной среде данное слово в русских вариантах конкретизируется в зависимости от названного объекта:

Čo na to chlapi? – Как отнесутся к этому солдаты?

Слово «chláp» в определенном смысле представляет обобщающее понятие, для которого в русском языке до известной степени эквивалентом является слово «ребята»:

Nespite, chlapi, jezušatneky. – Не спите, ребята, сякие-такие.

Drž chlápov nakrátko. – Держи ребят в ежеских рукавицах.

S chlapi sa musí vedieť zaobchádzať. – С подчиненными нужно уметь обращаться.

Выше проиллюстрированные примеры взяты из романа Р. Яшика, который изображает типичную «мужскую» среду на фронте, но подобную тенденцию при переводе данного словацкого слова наблюдаем и в русском варианте романа М. Фигули. В данном случае употребляются типичные русские выражения – их эквиваленты в словацком языке функционируют далеко реже:

Vyznal som sa dobre nielen v ženách, ale aj v chlápoch. – Я научился разбираться не только в женщинах, но и в нашем брате.

Tento chláp. – Этот тип.

Milé chlápä. – Славный малый.

Babrácky chláp. – Простофиля.

Русские варианты «наш брат», «тип», «добрый» (славный) малый», «простофиля» употребляются часто в другом контексте, чем показано в наших переводах. Данные русские единицы имеют более широкое ассоциативное поле. Так, у Пушкина читаем:

Он был добрый малый, но ветрен и беснутен до крайности. – Bol to dobrý chláp, ale strašný vetroplach a hýrivec.

Очевидно, в каждом языке, в его конкретных формах, кодируются культурные, психологические, этнографические и другие характеристики его носителя. Эту мысль можно интерпретировать и с другой стороны – реалии и среда, в окружении которых живет народ, представлены посредством конкретных языковых фактов более интенсивно, чем в других языках. В нашем случае имеем дело, например, с гористой территорией Словакии и в преобладающем большинстве с равнинами России. В сло-

вацких текстах встречаем более многообразные наименования для приведенной географической особенности Словакии – в русских переводах таких текстов имеется менее:

Do vrchov. – В горы.

Kopcovitá zem. – Гористая земля.

Niesť celú zem i s vrchmi. – Нести всю землю с горами.

Slnko pomaly stúpalo hore vrchmi. – Солнце медленно карабкалось по горам.

Stráne. – Склоны гор.

Horské stránne. – Горные склоны.

Zďaleka vidno na vršku kostol. – На горушке виднеется церковь.

Примеры показывают определенную тенденцию, в рамках которой мы регистрируем разные словацкие лексемы, обозначающие гористую страну, которые на русский язык в большинстве случаев переводятся вариантами русского слова «гора». Вместе с тем имеется и тенденция переводить словацкое слово «hora» русским словом «лес»:

Hučí hora. – Шумит лес.

Hora bola tichá. – В лесу царило безмолвие.

Ten sľub v hore. – Клятва в лесу.

To ste prišli tú horu obzrieť? – Приехали ли вы лес взглянуть?

Словацкое сово «CHOTÁR», судя по нашим наблюдениям, не имеет однозначный эквивалент в русском языке:

Chotár. – Окрестность, округа.

Rodný chotár. – Родной край.

Polovica chotára. – Половина земель.

Rozprávali o svojich chotároch. – Посудачили о своих угодьях.

Как видим из наших иллюстраций, ни один русский вариант не содержит в себе то значение, которое бы полностью соответствовало данному словацкому слову. Скорее всего эти русские варианты выражают только приблизительное значение словацкого «chotár», а некоторые, как слово «округа» и его дериваты употребляются в русском контексте совершенно в другом значении, чем данное словацкое слово:

Okresné mesto. – Окружный городок.

На этом примере можно проиллюстрировать этнокультурное богатство языковых контактов – в словацких переводах произведений русской литературы выражения «okresné mesto», «okres» употребляются в качестве

эквивалентов русской административной единицы «уездный город», «уезд».

На страницах словацкой классики читатели довольно часто встречаются персонажей с крестьянской среды – среди них выделяются те, которые названы словом «GAZDA». Оно до известной степени в современном словацком языке по сути дела потеряло свой первичный денотат, так как это слово относилось в первую очередь к деревенской среде. Посредством этого слова выражалась и позитивная оценка хорошего хозяина. Именно в этом значении слово «gazda» остается иногда в русских переводах словацкой литературы в роли словакизма:

Je prvý gazda. – Яно первый газда (Он первый хозяин в деревне – в VSRS).

В русском языке словацкому «gazda» в большинстве контекстов соответствует русская лексема «хозяин», но она не представляет однозначный эквивалент для приведенного словацкого слова. Поэтому оно в многих случаях пропускается или заменяется подходящим контекстовым русским словом:

Vrátil som sa ešte tej noci ku gazdovi. – Той же ночью я воротился к хозяину.

Vyplatil' gazdom za drevo. – Расплатиться с хозяевами за купленный у них лес.

Od gazdu požičial som si koňa. – Я одолжил у крестьянина лошадь.

Последний пример переносится и на глаголы, которые образованы на базе данных существительных:

Vude iba gazdovať. – Он будет только крестьянствовать (в VSRS такого русского глагола нет).

Словацкий глагол «gazdovať» относится не только к крестьянской среде, но употребляется шире в значении «быть хорошим хозяином», «экономить», «уметь беречь свое имущество». Это же относится также к другим дериватам слова «gazda» – так слово «gazdovstvo» имеет в русских переводах несколько вариантов:

Gazdovstvo. – Хозяйство (имеется в VSRS).

Kúpené gazdovstvo. – Арендованное поле.

Keby on nemal na Turci gazdovstvo. – Кабы не усадьба на тураницине.

В последнем примере слово «усадьба» ассоциируется в русской среде чаще с именем других социальных слоев, чем крестьян. Интересной является и словацко-русская пара «Turiec – тураницина» – для словацкого

читателя такая форма географических названий не типична. Русский переводчик очевидно оказался под влиянием соответствующих словообразовательных процессов в русском языке – в данном случае суффикс *-щина* представляет элемент, посредством которого создаются некоторые географические названия: *Смоленск – смоленщина, Суздаль – суздальщина, Псков – псковщина*.

Дальнейшие наши примеры со словацким словом «gazda» расширяют количество русских вариантов:

Jeden gazda. – Один из мужиков.

Таким образом, слово «gazda» тоже можно отнести к словацким лексемам с выразительными этнокультурными коннотациями особенно по отношению к контексту, в котором оно выступает как положительная оценочная единица.

Выше приведены некоторые типичные лексемы словацкого языка, которые в процессе их перевода на русский язык приобретают определенную меру безэквивалентности. В наших материалах из русско-словацких переводов к аналогичным русским лексемам можно отнести слово «батюшка». Итак:

БАТЮШКА – КТО ОН ТАКОВ?

Как будет показано ниже, с русским словом «батюшка» встречаемся в контексте, который, как правило, содержит довольно высокую меру вежливости к адресату и в конкретных случаях выражает экспрессивные и эмоциональные состояния говорящих. Чаще всего это слово стоит в позиции обращения, что и определяет вышеприведенную его характеристику. Преображенский (1958) находит (по Миклошичу), что оно происходит из тюркского слова «бернекер» (брат) с выпадением корневого *-р-*. В данном толковании содержится семантика близости, родственности и вытекающая из данных значений семантика вежливости. Предполагаемая этимологическая связь лексем «батюшка» и «брат» имеет аналогию в их функционировании в русском языке в приблизительно одинаковом контексте. Обе лексемы в позиции обращения находят довольно широкое употребление, что особенно чувствуется при их переводе на словацкий язык. В прямой речи, как показывают наши наблюдения, словом «батюшка» можно обращаться практически к любому адресату, что предполагает от переводчика немалую фантазию в процессе поисков словацких эквивалентов. Данный факт будем иллюстрировать на переводах прозы Пушкина на словацкий язык.

В Повести «Капитанская дочка» обращение «батюшка» употребляют многие пушкинские персонажи. Так, пожилой слуга Савельич во всей повести данным словом обращается к своему молодому барину (вместе с тем и подопечному) П. Гриневу:

Батюшка Петр Андреич, не умори меня с печали. – Milý páňko Peter Andrejič, nechci aby som umrel od žiaľu.

Словацкий переводчик выражение «milý páňko» употребляет по отношению к П. Гриневу чаще всего, подчеркивая, наверное, его молодость. Но когда Гринев приходит в крепость, то же самое обращение к нему со стороны жены командира крепости переводится по другому:

Что это, мой батюшка? – Čo je s tebou, drahý môj?

Казак Максимыч обращается к Гриневу тоже словом «батюшка»:

Батюшка Петр Андреич, только вчера я воротился. – Urodzený Peter Andrejič, iba včera som sa vrátil.

Тем же словом обращается к своему мужу жена командира крепости и даже ко всем людям, выражая свое недовольство поступками Швабрина и боясь опасности, исходящей от Пугачева:

Ах, мои батюшки! В нашей крепости заводит смертоубийство! – Ach, ľudia moji. V našej pevnosti zavádzať zabíjanie!

Батюшки, беда! Нужеозерная взята сегодня утром. – Ľudkovia moji, zle je. Dnes ráno dobyli Nižneozernú.

Словацкий переводчик стоит перед задачей передать на словацкий язык многообразные смысловые нюансы русского слова «батюшка» в зависимости от социальных связей отдельных представителей общества. Таким образом мы видим, что в пушкинском тексте слово «батюшка» в позиции обращения универсально, но данной коммуникативной универсальности не соответствует ни одно переводчиком избранное словацкое обращение. Когда к молодому Гриневу обращается пожилой генерал, переводчик находит новый вариант:

Что такое, батюшка? – Čo sa robí, milý môj?

Наглядно видим функционирование слова «батюшка» в рассказе Пугачева, когда тот объясняет свои действия посредством сказки, в которой ворон обращается к орлу:

Оттого, батюшка, отвечал ему ворон... – Preto, páň môj, odpovedal mi havran...

Естественно, что данная русская лексема относится и к понятию «отец» в ласкательном значении:

А что скажет батюшка? – А čo povie otecko? (что сын хочет жениться).

В рассказе «Арап Петра Великого» пожилая барыня обращается к своему брату:

Как нам знать, батюшка-братец? – Ako to máme vedieť, milý pán brat? (ситуация, когда по требованию Петра Великого дочь барина Ржевского должна выйти замуж за арапа).

Батюшка-братец – Milý braček.

Батюшка Гаврила Афанасьевич – Milý Gavriľa Afanasievič.

Обращение «батюшка-братец» как будто подтверждает то, что было сказано выше об этимологии слова «батюшка».

В рассказе «Метель» находим еще одного типичного адресата, названного данным словом – священника:

Начинайте, начинайте, батюшка. – Prosím, začnite, vелеbný pán (венчание в церкви).

Наши сравнения наводят нас на мысль о мере эквивалентности при переводе лексем основного словарного фонда. В нами иллюстрируемой русской лексеме имеем дело с явлением, в рамках которого одна лексема функционирует с неограниченными коммуникативными возможностями. Ее перевод только одной словацкой лексемой был бы неестественным, что словацкий переводчик полностью осознает. Но вместе с тем необходимо заметить, что в переводе теряется именно конкретная особенность русской культуры – в нашем случае одна из исторических форм русского речевого этикета.

Эмоциональность русских обращений подчеркивается суффиксами с первичным положительным значением ласкательности, уменьшительности, которым в словацком контексте языке соответствуют также подобные суффиксы, но в многих случаях они не применимы, что предопределено другими этнокультурными коннотациями конкретных лексем. Так, слова «матушка», «детушки» находим в русском языке почти в аналогичном контексте, как и слово «батюшка». Они посредством «семейной терминологии» создают более близкую, родственную обстановку:

Ну, детушки, постойм сегодня за матушку-государыню. – No, chlarcí, dnes ideme do boja za našu milú cárovnu.

Та же лексема «матушка» может представлять любого женского адресата, как правило, пожилого возраста:

Ох, матушка, Татьяна Афанасьевна. – Och, vážená Tatiana Afanasievna.

В «Капитанской дочке» словом «матушка» обращается отец П. Гринева к молодой Маше Мироновой:

Поезжай, матушка! – Chod', milá moja.

Семейная лексика русского языка, употребляемая в довольно широком контексте, представлена и вариантами слова «брат»:

Ну, братцы, затянем-ка на сон грядущий... – No, bračkovci, zaspievajte si na dobrú noc.

Данные примеры подчеркивают русское обращение в сопоставлении со словацким как более эмоциональные, что словацкий переводчик передает чаще всего другими лексическими средствами. В русских художественных текстах содержатся «семейно-суффиксальные» образования также от других лексем:

Это, старинушка, уже не твоя печаль. – Starý môj, do toho ťa nič (жена капитана Миронова своему мужу).

Из того же контекста имеется следующий пример, когда жена капитана Миронова плачет над мертвым супругом, употребляя при этом типичные русские эмоциональные обращения, к которым трудно подобрать полные словацкие эквиваленты:

Свет ты мой, Иван Кузмич, удалая солдатская головушка. – Môj drahý Ivan Kuzmič, ty chrabrá duša vojenská.

При анализе подобных словацко-русских и русско-словацких переводческих примеров (на наш взгляд) расширяется понятие «безэквивалентности», которую в данной статье воспринимает шире. В особенности это касается типичных русских лексем, функционирующих в роли эмоциональных обращений. Подобные единицы с поликоммуникативными возможностями кодируют до известной степени конкретные черты этнокультуры, и в процессе перевода данный факт играет немаловажную роль при адекватном восприятии конкретного текста.

Литература:

HEČKO, B.: Dobrodružstvo prekladu. Bratislava 1991.

POPOVIČ, A.: Teória umeleckého prekladu. Bratislava 1975.

VELKÝ RUSKO-SLOVENSKÝ SLOVNÍK /VRSS/ I.–V. Bratislava 1960–1970.

VELKÝ SLOVENSKO-RUSKÝ SLOVNÍK /VRSR/ I.–VI. Bratislava 1979–1996.

КОМИССАРОВ, В. Н.: Лингвистика перевода. Москва, 1980.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, А.Г.: Этимологический словарь русского языка. Москва, 1958.

ФЕДОРОВ, А. В.: Основы теории перевода. Москва, 1983.

ШВЕЙЦЕР, А. Д.: Перевод и лингвистика. Москва, 1973.